

А.А. Корнилов

**Общественное движение при
Александре II**

**(1855-1881). Исторические
очерки**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А.А. Корнилов**
Общественное движение при Александре II: (1855-1881). Исторические очерки / А.А. Корнилов – М.: Книга по Требованию, 2016. – 264 с.

ISBN 978-5-517-99468-4

ISBN 978-5-517-99468-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГЛАВА I.

Конецъ царствованія императора Николая I.—Новыя вѣянія въ 1853 г.—Рукописныя записки о нуждахъ того времени.—Политическія письма М. П. Погодина. — Переломъ въ настроеніи наслѣдника Александра Николаевича. — Настроеніе крѣпостныхъ крестьянъ. — Впечатлѣніе, произведенное смертью императора Николая на современниковъ.

Императоръ Николай I умеръ въ разгаръ крымской войны, 18 февраля 1855 года.

Къ моменту его смерти выяснилось до очевидности, что система его нѣкуда не годится, и что именно благодаря ей Россія оказалась въ самый важный моментъ разстроенной и ослабленной и, несмотря на все видимое свое матеріальное могущество, несмотря на героизмъ войскъ, не была въ состояніи вынести съ успѣхомъ того испытанія, которое ей послала судьба ¹⁾.

Сознаніе необходимости коренного измѣненія и внѣшней и внутренней политики вполнѣ созрѣло еще при Николаѣ. Н. И. Тургеневъ (декабристъ) предсказывалъ еще въ 1847 году неизбежность разгрома Россіи при первомъ же столкновеніи ея съ Западомъ ²⁾. Близкое наступленіе кризиса ясно почувствовали всѣ мыслящіе люди въ Россіи, какъ только началась война съ Турціей въ 1853 году.

Многіе радовались этому.

Искренніе и глубокіе патріоты признавали тогда, что если измѣненіе правительственной системы можетъ быть достигнуто только цѣною внѣшняго пораженія, то слѣдуетъ считать и пораженіе за благо.

¹⁾ Срав. *М. П. Богдановича* „Восточная война 1853—1856 годовъ“. Спб. 1876 г. 4 тома, въ особенности т. 2—4.

²⁾ „*La Russie et les Russes*“, т. III, стр. 13 и слѣд. На русскій языкъ до сихъ поръ переведенъ только I томъ этого сочиненія.

Правительство само смутно сознавало, что пробилъ часть той системы деспотизма и гнета, которую оно довело до апогея и вмѣстѣ до абсурда въ послѣднія 5—6 лѣтъ, и хотя императоръ Николаи въ началѣ войны высказывалъ большую самонадѣянность, однако, по мѣрѣ того, какъ войска наши терпѣли неудачи, а тучи, собиравшіяся на политическомъ горизонтѣ вокругъ Россіи все сгущались, его самоувѣренность стала замѣтно падать. Въѣшняя гроза тотчасъ же сдѣлала правительство болѣе кроткимъ и терпимымъ внутри Россіи.

Правда, никакихъ спеціальныхъ распоряженій въ этомъ направленіи сдѣлано не было, всѣ орудія полицейскаго и бюрократическаго гнета продолжали существовать попрежнему, и ни одна изъ ненавистныхъ реакціонныхъ мѣръ, принятыхъ послѣ 1848 г., не была отмѣнена; но, несмотря на это, люди чуткіе уже въ 1858 году почувствовали приближеніе оттепели. „Казалось — писать въ своихъ запискахъ А. И. Кошелевъ, — что изъ томительной мрачной темницы мы какъ будто выходимъ, если и не на свѣтъ Божій, то, по крайней мѣрѣ, въ преддверіе къ нему, гдѣ уже чувствуется освѣжающій воздухъ. Высадка союзниковъ въ Крымъ въ 1854 г., послѣдовавшія затѣмъ сраженія при Альмѣ и Инкерманѣ и обложеніе Севастополя насъ не слишкомъ огорчили; ибо мы были убѣждены, что даже пораженія Россіи сноснѣе и для нея даже и полезнѣе того положенія, въ которомъ она находилась въ послѣднее время. Общественное и даже народное настроеніе, хотя отчасти безсознательное, было въ томъ же родѣ“.¹⁾

¹⁾ „Записки Александра Ивановича Кошелева“, Берлинъ 1884 г., стр. 82.—А. С. Хомяковъ 31 января 1854 г. писалъ другу своему А. Н. Попову: „...Двадцать лѣтъ душили мысль. Въ важную минуту наткнулись на безмысліе, и мнѣ чувствуется страшная безпомощность, скрываемая подъ плохую личиною спокойствія и надежды. Что-то Богъ дастъ? А время великое. Можетъ быть Тильзитъ, но Тильзитъ предшествовалъ 12 году“... (Барсуковъ „Жизнь и труды М. П. Погодина“, т. XIII, стр. 35).—А вотъ что писалъ Ю. Ф. Самаринъ уже послѣ паденія Севастополя, но до заключенія мира: „Съ самаго начала Восточной войны, когда еще никто не могъ предвидѣть ея несчастнаго исхода, громадныя приготовления нашихъ враговъ озабочивали людей, понимавшихъ положеніе Россіи,—гораздо меньше, чѣмъ наше внутреннее неустройство. Событія оправдали ихъ опасенія. Мы сдались не передъ внѣшними силами западнаго союза, а передъ нашимъ внутреннимъ безспіемъ. Это убѣжденіе, видимо проникающее всюду и вытѣсняющее чувство незаконнаго самодовольствія, такъ еще недавно туманившее намъ глаза, досталось намъ дорогою цѣною: но мы готовы принять его, какъ достойное вознагражденіе за всѣ наши жертвы и уступки“. (Сочиненія Самарина т. II, стр. 17.)—Ив. Аксаковъ жалѣлъ, что въ Севастополь не было вождя искуснѣ Горчакова, не изъ желанія побѣды, а для того, чтобы еще яснѣе подчеркнуть фатальную неизбѣжность пораженія. Севастополь долженъ былъ пасть, „чтобы явилось въ немъ дѣло Божіе, т. е. обличеніе всей гнили правительственной системы, всѣхъ послѣдствій удушающаго принципа“... (И. С. Аксаковъ въ его письмахъ, т. III, стр. 180).

Первыя колебанія системы правительственнаго гнета выражались въ слѣдующихъ фактахъ. Министромъ Народнаго Просвѣщенія вмѣсто кн. Ширинскаго-Шахматова (покорнаго слуги гр. Бутурлина, предсѣдательствовавшаго въ негласномъ цензурномъ комитетѣ) былъ назначенъ въ половинѣ 1853 г. Авр. Серг. Норовъ—человѣкъ не особенно опредѣленныхъ воззрѣній, но который на юбилей московскаго университета, по свидѣтельству *Грановскаго*, „произвелъ на всѣхъ прекрасное, отрадное впечатлѣніе...“¹⁾; да и самое празднованіе юбилея, принявшее характеръ настоящаго торжества друзей просвѣщенія въ Россіи, уже не гармонировало съ мрачной эпохой реакціи 1848—1854 годовъ. Въ это же время Норовъ разрѣшилъ, вопреки мнѣнію Мусина-Пушкина, держать экзаменъ въ университетахъ вольнослушателямъ.²⁾ Изъ „Дневника“ Никитенко мы видимъ даже, что тотъ же Норовъ отваживался мечтать тогда объ упраздненіи негласнаго бутурлинскаго комитета³⁾.

Правда, цензура осталась попрежнему невыносимой; но среди литераторовъ появились уже какія-то неясныя надежды и упованія. Западники, группировавшіеся въ Москвѣ около Грановскаго, мечтають купить въ это время журналъ и поставить во главѣ его Евг. Корша⁴⁾. Чернышевскій дѣлаетъ въ „Современникѣ“ первыя попытки воскресить въ критикѣ опальные и, казалось, уже забытые принципы и завѣты Бѣлинскаго, не называя его, впрочемъ, по имени⁵⁾. Нѣкоторые изъ сосланныхъ литераторовъ получаютъ разрѣшеніе вернуться: Тургеневу разрѣшено, по ходатайству наслѣдника (въ ноябрѣ 1853 г.), жить въ столицахъ⁶⁾, Салтыкову дозволено взять отпускъ и съѣздить изъ Вятки (гдѣ онъ служилъ противъ воли) въ свое имѣніе въ Тверской губерніи⁷⁾.

Такъ какъ цензура не пропускала тогда никакихъ политическихъ статей, то замѣнъ ихъ, въ качествѣ суррогатовъ, являются рукописныя записки. Эти записки, по свидѣтельству современниковъ, обращаются среди читающей публики въ значительномъ числѣ экземпляровъ⁸⁾. Правда, онѣ ни-

¹⁾ „Т. Н. Грановскій и его переписка“, т. II, стр. 437 (письмо къ Фролову въ январѣ 1855 г.).

²⁾ „Первое собраніе писемъ П. С. Тургенева“, стр. 8 (письмо къ Е. Я. Колбасину отъ 29 окт. 1854 г.).

³⁾ „Дневникъ и записки А. В. Никитенко“, т. I, стр. 578.

⁴⁾ „Т. Н. Грановскій“, т. II, 470 (письмо къ Евг. Ф. Коршу 1854 г.).

⁵⁾ „Объ искренности въ критикѣ“. („Современникъ“ за 1854 г., № 7. Изд. М. Н. Чернышевскаго „Критическія статьи“, стр. 202—228, особенно стр. 219, 222 и 223).

⁶⁾ „Первое собр. писемъ“, стр. 7 (письмо къ П. Н. Тургеневу).

⁷⁾ Сочиненія М. Е. Салтыкова (изд. 1890 г.), т. IX. „Матеріалы для біографіи“, стр. XLIV, примѣчаніе.

⁸⁾ „Вѣст. Евр.“ за 1903 г. № XI, стр. 64 и слѣд. статья А. Н. Пытлина о Некрасовѣ.

къмъ не подписаны, но авторы важнѣйшихъ изъ нихъ всѣмъ извѣстны и даже не считаютъ нужнымъ скрывать своего авторства, тогда какъ за годъ, за два передъ тѣмъ мало кто рѣшился бы не только писать, но даже и читать подобныя вещи. Одна изъ такихъ записокъ приписывалась Грановскому ¹⁾. Кошелевъ составляетъ въ это время записку о финансахъ для представленія ея правительству и въ ней высказываетъ мысль о необходимости созванія представителей земли русской! ²⁾. Самаринъ пишетъ записку о смягченіи и постепенномъ упраздненіи крѣпостного права, о чемъ съ 1849 г. было строжайше запрещено упоминать ³⁾. Но самыя замѣчательныя изъ этихъ записокъ были безспорно политическія письма Погодина. Они замѣчательны столько же по своей необыкновенной смѣлости, сколько и потому, что они были написаны не къмъ инымъ, а именно Погодинымъ, т.-е. человѣкомъ, который всегда былъ далекъ отъ вполне безкорыстныхъ увлеченій и вовсе не принадлежалъ къ типу ученыхъ „не отъ міра сего“, а скорѣе напоминалъ типъ хитраго и ловкаго дѣльца и практика, — человѣкомъ, имѣвшимъ даже среди близкихъ къ нему славянофиловъ довольно двусмысленную репутацію. Если Погодинъ рѣшился приняться за составленіе подобныхъ памфлетовъ, въ которыхъ онъ откровенно и безпощадно осуждалъ всю внѣшнюю и внутреннюю политику Николая, то это уже само по себѣ служило несомнѣннымъ признакомъ того, что времена должны перемѣниться. Замѣчательно при этомъ, что онъ не только не скрывалъ своего авторства, но представлялъ свои письма черезъ статсъ-секретаря Прянишникова и гр. Адлерберга наследнику и государю. Характерно, что въ то же время онъ мечталъ то о постѣ посланника въ Вѣнѣ, то о мѣстѣ оберъ-прокурора синода, а вовсе не думалъ о возможности внезапнаго путешествія въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя. Но всего поразительнѣе тотъ фактъ, что, ознакомившись съ содержаніемъ первыхъ его писемъ, Николай Павловичъ не только не разгнѣвался и не приказалъ его схватить, посадить или сослать, но объявилъ ему свое благоволеніе за „откровенность“ и даже сппзошелъ до объясненій, при чемъ высказалъ только, что Погодинъ не во всемъ правъ, потому что многое ему „свизу“ не видно, что видно „сверху“ людямъ, посвященнымъ во всѣ тайны политики. Получивъ „благоволеніе“, объявленное ему официально черезъ Адлерберга и Прянишникова, Погодинъ набрался смѣлости еще

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Дописана была уже весной 1855 г. Напечатана въ приложеніи къ „Запискамъ А. И. Кошелева, прил. IV, стр. 33. Ср. текстъ „Записокъ“, стр. 83.

³⁾ „Сочиненія Ю. Ф. Самарина, т. II, стр. 17—136. Дата составленія записки указана въ примѣчаніи на стр. 17.

больше. Въ первыхъ письмахъ своихъ онъ писалъ о безразсудности и унижительность нашей вѣшной политики, о невыгодности для насъ нашей полицейской роли въ Европѣ; въ слѣдующихъ онъ обратился къ критикѣ нашего внутренняго строя, обличая съ замѣчательною рѣзкостью несостоятельность и безсмысліе правительственной системы, убивавшей всякую самостоятельность въ подданныхъ, упразднившей совершенно просвѣщеніе и гласность и основанной всецѣло на официальной лжи.

„Государь, очарованный блестящими отчетами, не имѣетъ— писалъ Погодинъ— вѣрнаго понятія о настоящемъ положеніи Россіи. Ставъ на высоту недосыгаемую, онъ не имѣетъ средствъ ничего слышать; никакая правда до него достигнуть не смѣетъ, да и не можетъ: всѣ пути выраженія мысли закрыты, нѣтъ ни гласности, ни общественнаго мнѣнія, ни апелляціи, ни протеста, ни контроля...“ Изъ министровъ каждый, по словамъ Погодина, „представляетъ собою въ своемъ вѣдомствѣ самодержавнаго государя и также не имѣетъ никакой возможности узнать правды о своей части; никто ему не скажетъ ея, и никто не смѣетъ сказать, боясь попасть на замѣчаніе, возбудить подозрѣніе. Всякій думаетъ только о снисканіи благосклонности начальника предусмотрѣніемъ его мыслей и желаній, предугаданіемъ его намѣреній. Одуренному непрерывнымъ каждаемъ лести, развращенному мнимыми успѣхами, въ лентахъ и звѣздахъ, ему естественно уже счастье себя геніемъ непогрѣшимымъ, подобно Далай-Ламѣ. Всякое замѣчаніе онъ вскорѣ уже считаетъ личнымъ для себя оскорбленіемъ, неуваженіемъ власти, злоумышленіемъ либерализма. Кто не хвалитъ его, тотъ безпокойный человекъ. Не давай ему ходу. А бездарностямъ, подлостямъ, посредственностямъ то и на руку; какъ мухи на медъ, налетаютъ онѣ на наши канцеляріи, а еще охотнѣе въ комитеты, гдѣ скорѣе, безъ всякаго труда, награждаются за отличіе. Всѣ онѣ составляютъ одну круговую поруку, дружеское, тайное, масонское общество, чуютъ всякаго мыслящаго человека, для нихъ противнаго, и, поддерживая себя взаимно, поддерживаютъ и всю систему, систему бумажнаго дѣлопроизводства, систему взаимнаго обмана и общаго молчанія. систему тьмы, зла и разврата въ личныя подчиненности и законнаго порядка...“

А между тѣмъ „дѣла—продолжаетъ Погодинъ— становятся часъ отъ часу мудренѣе, отношенія сложнѣе; умнѣйшихъ людей стараго, даже недавно прошедшаго времени не достаетъ для новыхъ обстоятельствъ, а мы хотимъ пробавляться не только старыми людьми, но и старыми формами, которыя обветшали даже просто отъ времени, точно какъ изнашивается платье, сначала прекрасное, щегольское, дорогое, а подъ конецъ повислое въ лохмотьяхъ...“

Отъ власти Погодинъ переходитъ къ народу. Онъ уже и раньше высказалъ свои мысли о невозможности у насъ революціи въ западномъ смыслѣ и здѣсь повторяетъ, что „революція произошла на Западѣ изъ своихъ сѣмянъ, что этихъ сѣмянъ не было брошено исторіею въ началѣ нашего государства, а потому революціи такой у насъ не будетъ и не можетъ (быть); что мы испугались ее понапрасну и что напрасно мы начали (послѣ 1848 года) останавливать у себя образованіе, стѣснять мысль, преслѣдовать умъ, унижать духъ, убивать слово, уничтожать гласность, гасить свѣтъ, распространять тьму, покровительствовать невѣжеству...“

„... О народѣ—замѣчаетъ Погодинъ—о народѣ, который трудится, проливаетъ кровь, несетъ всѣ тягости, страдаетъ и, между тѣмъ, дышетъ любовью, самою чистою преданностью царю и отечеству, ни у кого и мысли нѣтъ. Народъ какъ будто не существуетъ нравственно, извѣстный только по вѣдомостямъ казенной палаты!“

„Къ вамъ обращу я рѣчь свою—восклицаетъ Погодинъ,— милостивые государи, глубокомысленные наши политики, тайные и дѣйствительные тайные и явные совѣтники и кавалеры, прошу прослушать: Мирабо для насъ не страшенъ, но для насъ страшенъ Емелька Пугачевъ. Ледрю-Ролень со всѣми коммунистами (sic!) не найдетъ у насъ себѣ приверженцевъ, а передъ Никитою Пустосвятомъ разинетъ ротъ любая деревня. На сторону Маццини не перейдетъ никто, а Стенька Разинъ—лишь кликни кличь! Вотъ гдѣ кроется наша революція, вотъ откуда грозятъ намъ опасности, вотъ съ какой стороны стѣна наша представляетъ проломы;—переставте же возитъя около западной, почти совершенно твердой, и принимайтесь чинить восточную, которая почти безъ присмотра валится и грозитъ паденіемъ...“

„Казенный крестьянинъ живетъ у насъ такъ, удѣльный иначе, помѣщики же управляютъ по своему крѣпостными крестьянами, всякій молодецъ и не молодецъ на свой образецъ... Помѣщичье спасенье—въ дурномъ управленіи государственныхъ имуществъ... Но улучшишь жизнь казеннаго крестьянина,—будте увѣрены—заварится каша крутая. Да и теперь—не убиваютъ ли ежегодно до тридцати помѣщиковъ... Вѣдь это все мѣстныя революціи, которымъ не достаетъ только связи, чтобы получить значеніе особаго рода! Онѣ усмиряются порознь; но несчастные крестьяне, которые, выведенные изъ терпѣнія, берутъ ножъ въ руки и подвергаются за то кнуту и каторжной работѣ въ сибирскихъ рудникахъ, неужели не заслуживаютъ лучшей участи? Вѣдь это тѣ же самые люди, что теперь священнодѣйствуютъ въ Севастополѣ съ такимъ мужествомъ, съ такимъ самоотверженіемъ и спасаютъ не только русскую честь, но даже наше значеніе, нашу будущность!..“

Указавъ на безразсудность угнетенія раскольниковъ и поляковъ, Погодинъ переходитъ къ указанію мѣръ, которыя слѣдуетъ принять, по его мнѣнію, въ устраненіе всѣхъ очерченныхъ имъ опасностей; на первый планъ онъ выставляетъ *гласность и образованіе*.

Представляя эту записку при письмѣ къ министру двора Адлербергу, Погодинъ писалъ ему, между прочимъ: *Большая часть суждений и даже выражений въ моей запискѣ не принадлежитъ собственно мнѣ, а принадлежитъ обществу и слышана была мною въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Я не хотѣлъ ихъ ни смягчать, ни измѣнять, ни полпировать, думая, что въ сыромъ своемъ видѣ они должны быть извѣстны правительству для его высшихъ соображеній...*“

Въ виду рѣзкости этой записки, Адлербергъ не рѣшился представить ее государю; ¹⁾ но Погодинъ отправился въ Петербургъ лично и тамъ былъ принятъ при дворѣ и въ высшемъ петербургскомъ обществѣ какъ нельзя лучше. Его любопытствовала видѣть императрица Александра Федоровна; наследникъ Александръ Николаевичъ припималъ его дважды, и содержаніе ихъ разговоровъ видно отчасти изъ слѣдующаго письма Погодина къ цесаревичу изъ Москвы (тотчасъ по возвращеніи):

„Слова, Вамъ мнѣ сказанныя, запечатлѣлись глубоко въ моемъ сердцѣ. Пошли имъ Богъ исполненія къ славѣ отечества и государя. Да обратится Россія, вразумленная несчастными опытами послѣдняго времени, къ самой себѣ, да возложить она впередъ надежду только на Провидѣніе и на свой великій народъ, его высокій духъ; да устремитъ все свое вниманіе на воздѣланіе духовныхъ даровъ, въ такомъ обиліи ему свыше ниспосланныхъ, этихъ десяти талантовъ, съ которыхъ потребуется лихва; да убѣдится тверже и тверже въ истинѣ святой пословицы Петровой, что ученье свѣтъ, а неученье—тьма...“

¹⁾ Извѣстная гр. А. Д. Блудова — эта „Юанна славян“, какъ звали ее нѣкоторые славянофилы (она же „трикотѣза Зимняго дворца“, по злому выраженію Герцена) — тоже не одобряла этой записки и горько упрекала за нее Погодина, увѣряя, что въ ней есть „что-то болѣзненное и необдѣланное“. Погодинъ же, разсерженный непредставленіемъ своей записки, писалъ по этому поводу статсъ-секретарю Ф. И. Прянишникову: „Хладнокровныя петербургскія разсужденія свели домъ на ниточку! Во всѣхъ васъ, петербургскихъ сановникахъ, страшно понизился духъ, страшно ослабло сознаніе человѣческаго достоинства, а о гражданскихъ добродѣтеляхъ и говорить нечего. Вы всѣ сами этого не замѣчаете, какъ больные, при выхлѣбѣ къ госпитальному воздуху... Говоря безъ церемоній съ Николаемъ Павловичемъ, я позволяю себѣ говорить откровенно и съ его министрами. А такъ какъ вы вмѣстѣ и добрый человѣкъ, то на меня не разсердитесь. Тридцать лѣтъ призывалъ я къ своему столу то Петра, то Екатерину, то Ивана, а о Юрику и говорить нечего. Не мудрено, что получивъ я толь за панибрата съ сильными міра сего!..“ (*Барсуковъ*, „Жизнь и труды М. П. Погодина, т. XIII, стр. 171).

„Прошу Вашего позволенія—прибавляетъ онъ въ концѣ—представить прямо къ Вашему Императорскому Высочеству послѣднія мои политическія записки, служащія продолженіемъ и окончаніемъ первыхъ, кои удостоились Вашего столь драгоцѣннаго для меня вниманія“ ¹⁾

Незадолго передъ тѣмъ выступилъ и Хомяковъ со своими извѣстными стихами:

Тебя призывалъ на брань святую,
Тебя Господь нашъ полюбиль...

распространившимися въ рукописи по всей Руси. Въ этихъ стихахъ особенно обращали на себя общее вниманіе слѣдующія необычныя по тому времени строфы, относившіяся (какъ и все стихотвореніе) къ Россіи:

Но помни: быть орудьемъ Бога
Земнымъ созданьямъ тяжело;
Своихъ рабовъ онъ судить строго,—
А на тебя, увы! какъ много
Грѣховъ ужасныхъ налегло!
Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена:
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

Въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ своихъ, заканчивавшемся прямымъ воззваніемъ къ Николаю ²⁾, Погодинъ, между прочимъ, писалъ, очевидно намекая на эти стихи: „...ложь *тлетворную* отгони далече отъ Твоего престола и призови суровую грубую истину. Отъ *безбожной лести* отврати Твое ухо и выслушай горькую правду...“

„...Составь около себя—писалъ онъ тамъ же—постоянный на это время верховный совѣтъ, какъ составляла Екатерина въ первую турецкую войну, на который возложились бы всѣ попеченія о ходѣ дѣлъ военныхъ и политическихъ съ отвѣтственностью передъ отечествомъ. Одному всего сдѣлать нельзя, все усмотрѣть, все упомнить, все предупредить и вездѣ приготовиться. Ты грудишься столько, сколько и подумать другой человѣкъ испугается, да ужъ такая работа приходитъ не подъ силу и Тебѣ съ Твоимъ желѣзнымъ организмомъ. Вспомни, что Тебѣ уже подъ шестьдесятъ лѣтъ, прожитыхъ, какъ одинъ день, не на гулянкахъ. Что Ты надрываешься? Работа такъ, Ты утомляешься понапрасну и тратишь свои силы, для насъ драгоцѣнныя...“

„...Голова Твоя въ такихъ страшныхъ обстоятельствахъ должна бытъ свободна, чтобы рѣшать дѣла первой важности, приготовленныя и представленныя на Твое Высочайшее воз-

¹⁾ Барсуковъ, XIII, особенно стр 163—173.

²⁾ „Возстанъ русскій Царь! Вѣрный народъ Твой Тебя призываетъ!“ и проч. (Барсуковъ XIII, стр. 193 и слѣд.).

зрѣніе, какъ Богъ Тебѣ на сердце положитъ, а захламанцивать (sic) ее теперь всякими мелочами есть даже гражданское преступленіе. Разсѣй лучами милости и благодати эту непроницаемую атмосферу страха, скопившуюся въ продолженіе столькихъ лѣтъ. Войди въ соприкосновеніе съ народомъ. Призови на работу всѣ таланты—мало ли ихъ на святой Руси?.. Освободи отъ излишнихъ стѣсненій печать, въ которой не позволяется теперь употреблять даже выраженіе *общаго блага*. Не книги опасны, а событія..“

Въ этомъ письмѣ Поголинъ совѣтовалъ возстановить Польшу, Венгрію, Италію, Грецію, Славянскія страны и проч., но оно показалось Прявишникову настолько опаснымъ, несмотря на обильно разсѣянные въ немъ выраженія вѣрно-подданническихъ чувствъ, что онъ не рѣшился даже показать его Адлербергу и упрашивалъ Погодина не распространять этихъ мыслей..

Одной изъ характерныхъ чертъ тогдашняго правительственнаго настроенія было, между прочимъ, все увеличивавшееся вліяніе и участіе въ дѣлахъ Наслѣдника, который въ это время все болѣе и болѣе проникался сознаніемъ непригодности тогдашней правительственной системы. Еще недавно онъ самъ былъ охваченъ—подъ впечатлѣніемъ политическихъ бурь 1848 года—вмѣстѣ со своимъ старымъ воспитателемъ Жуковскимъ самыми реакціонными стремленіями, ярко выразившимися въ письмахъ Жуковского того времени и отразившимися, безъ сомнѣнія, и на взглядахъ Александра Николаевича на крестьянскій вопросъ и на многое другое.¹⁾ Извѣстно, что въ началѣ 50-хъ годовъ онъ выступилъ рѣзкимъ оппонентомъ Бибикова по вопросу объ инвентаряхъ въ литовскихъ губерніяхъ и защитникомъ неприкосновенности дворянскихъ привилегій, т. е. крѣпостного права. Онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ вполне сознательно подъ вліяніемъ опасеній, внушенныхъ 1848 годомъ, и отвращенія ко всякому демократическому движенію. Но положеніе, въ которое приведена была Россія политикой, основанной на реакціонныхъ принципахъ, и тотъ крахъ, который грозилъ ей въ 1854 году, радикально перевернули его правительственные взгляды. Онъ понялъ, что система гнета и обскурантизма нигде не годится и ведетъ къ гибели. .

Таково было настроеніе передовыхъ слоевъ общества и правительственныхъ сферъ въ концѣ Николаевскаго царствованія. Народъ тоже далъ о себѣ знать. Съ одной стороны, онъ показалъ, что умѣетъ умирать, когда нужно, съ замѣчательнымъ героизмомъ; но, съ другой—онъ ясно выразилъ свое убѣжденіе, что и царь не долженъ позволять долѣе помѣщикамъ властвовать надъ крестьянами. Сигналомъ по-

¹⁾ „Русскій Архивъ“ за 1885 г., кн. 1—\III.

служили указъ и манифестъ объ ополченіи (сперва о морскомъ ополченіи 3-го апрѣля 1854 г., потомъ о народномъ ополченіи 29 января 1855 г.). Вспыхнувшія по этому поводу во многихъ губерніяхъ волненія какъ будто оправдывали то предсказаніе въ одномъ изъ писемъ Погодина, гдѣ говорилось о возможности новаго народнаго возстанія въ родѣ пугачевщины ¹⁾. Они, очевидно, навѣвали на правительство мрачныя думы, резюмированныя впоследствии въ знаменитыхъ словахъ Александра II московскому дворянству о томъ, что лучше начать освобожденіе сверху, нежели ждать, чтобы оно само собой началось снизу. Правительство чувствовало себя въ большомъ затрудненіи по отношенію къ бунтовавшимъ въ многихъ губерніяхъ, но проникнутымъ патристическимъ чувствомъ крестьянамъ: велѣно было принимать всѣ нужныя мѣры къ усмиренію возставшихъ, однако-жъ, „не охлаждая проявляющагося въ крестьянахъ чувства преданности престолу и отечеству“ ²⁾.

Въ запискѣ, составленной въ 1857 году, А. И. Кошелевъ рассказываетъ, какъ въ 1855 г. многіе отъявленные крѣпостники „готовы были согласиться на большія пожертвованія и на *всякое*, самое для нихъ убыточное, прекращеніе крѣпостнаго состоянія, лишь бы освободили ихъ отъ страха, возбужденнаго въ нихъ возможностью провозглашенія вольности, при вторженіи враговъ въ наши предѣлы“. „Мнѣ случилось тогда—вспоминаетъ онъ—видѣть нѣсколькихъ поборниковъ крѣпостнаго права, уговаривавшихъ меня какъ можно скорѣе окончить и подать мой проектъ объ освобожденіи крестьянъ“ ³⁾.

Смерть императора Николая, которой никто не ожидалъ, произвела въ разныхъ слояхъ общества весьма различное, но, въ сущности, однозначущее впечатлѣніе.

„Какъ ты можешь о немъ плакать,—сказала императрица Александра Федоровна дочери своей Маріи Николаевнѣ,— Господь его взялъ, *чтобы его избавить отъ ужасныхъ вещей!*“ ⁴⁾.

„Ужасная вѣсть, конечно, уже дошла до васъ,—писалъ князь Д. А. Оболенскій Погодину— сегодня началось новое царствованіе. Богъ послалъ Россіи новое испытаніе! Какая ужасная минута. Хотя я самъ сегодня прикоснулся къ остан-

¹⁾ Подробныя свѣдѣнія объ этихъ волненіяхъ приведены въ „Матеріалахъ для исторіи упраздненія крѣпостнаго состоянія въ Россіи“, Берлинъ 1860 г., I, стр. 80—97. Ср. также *П. П. Игнатовичъ*: „Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія“, стр. 174. Въ же статьи въ „Минувшихъ Годахъ“ за 1908 г. № 5—6, стр. 98 и слѣд. „Волненія помѣщичьихъ крестьянъ отъ 1854 по 1863 г.“.

²⁾ „Матеріалы“, т. I, стр. 86. Срав. брошюру *С. С. Громеки* „Кіевскія волненія въ 1855 г.“, Спб. 1863, стр. 37.

³⁾ Приложение къ „Запискамъ А. П. Кошелева“, стр. 78.

⁴⁾ *Барсукозъ XIII*, стр. 392.